

L.A. Janda. A Geography of case semantics: The Czech dative and the Russian instrumental.
В. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. 225 p.

Название рецензируемой книги несет в себе глубокую метафору. Славянский падеж знал эпоху больших открытий, блестящих лоцманов и был настолько подробно исследован и тщательно картографирован, что для обозрения всего объема данных во внушительном количестве описаний, действительно, понадобился бы хороший путешественник. Однако, оказавшись благодатной почвой для возникновения многих нетривиальных идей, повлиявших также и на развитие общей теории языка, тема категории падежа постепенно исчерпала себя, и

ей была бы уготована судьба немодной ныне описательной географии, если бы не появление работ А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980; 1986], доказавших, что даже хорошо известный лингвистический материал может привлечь к себе интерес новым способом его представления.

Автор настоящего исследования, американский славист Лаура Янда, предлагает еще один способ интерпретации падежных значений, основанный на идеях когнитивной семантики. Оговоримся, что это уже вторая попытка автора применить когнитивный

подход к традиционному материалу – в своей предыдущей работе Л. Янда обращалась к семантике русских глагольных приставок [Janda 1986]. На этот раз объект ее исследования – значения дательного и творительного падежей в чешском и русском языках.

Книга состоит из двух частей: теории и анализа языкового материала. Первую, теоретическую часть составляют: 1) короткое введение, в котором автор отмечает основные вехи развития теории падежа в свете общего развития науки в XX веке; 2) изложение основных положений когнитивной семантики и ее возможностей в области описания падежа; и 3) критический обзор литературы, посвященной падежной семантике. Вторая, эмпирическая часть, содержит два больших раздела: описание когнитивной категории дательного падежа в чешском языке и описание когнитивной категории творительного падежа в русском языке, – каждый из которых дополнен небольшим по объему сравнительным очерком значения русского датива и чешского творительного, соответственно.

В основе когнитивного подхода к теории падежного значения лежит представление его как организованной структуры. Опираясь на результаты исследований в области психологии, нейробиологии и искусственного интеллекта, когнитивная семантика уделяет основное внимание выявлению взаимосвязей между семантическими вариантами, т.е. тому, каким образом подзначения организованы в когнитивные категории, если говорить в терминах данной концепции. Представленная в первой части книги теория устройства грамматической категории отражает те идеи когнитивной семантики, которые были развиты в трудах Дж. Лакоффа [Lakoff 1986], Р. Лангакера [Langacker 1986] и их последователей, хотя нельзя не заметить, что она несет также определенный отпечаток традиций пражской лингвистической школы. В центре когнитивной категории находится пототипический член, остальные члены тем или иным образом связаны с прототипом, и этим определяется их место в категории. С этой точки зрения присутствие в названии книги слова "география" приобретает новый и, пожалуй, основной смысл: исследование категории представляется путешествием по сети подзначений. Как подчеркивает автор, теоретическая разработка структуры категории дает возможность не только правильно идентифицировать прототипический случай – отправную точку исследования, но и понять, "куда и как далеко мы можем отсюда направиться" (с. xii).

Как известно, особую трудность в описании семантики падежа представляет сама формулировка значения. Каким образом определить "косвенный объект"? Л. Янда сознательно уходит от этой проблемы, сопровождая абстрактную формулу простой иллюстрацией на конкретно-языковом материале. Не давая абсолютных дефиниций "косвенного объекта", автор, однако, получает возможность объяснить разницу между ним и, скажем, "свободным дативом", сопоставив два корпуса примеров на тот и другой вариант значения, и сформулировать таким образом относительное толкование падежных подзначений.

В принципе, релятивистский подход к описанию значения допускает большую или меньшую степень различия вариантов. Автор не скрывает, что разработанные ею на материале русского и чешского языков инвентари падежных подзначений в основном соответствуют наборам, полученным ее предшественниками, в частности, Р. Мразеком и А. Вежбицкой. Существенно, что, учитывая критику в адрес сетевого строения когнитивной категории, Л. Янда признает возможность градуальных различий употребления единиц – для объяснения тех или иных аспектов употребления когнитивная сеть может быть свернута или развернута. Используя прием наложения сетевой структуры на множество языковых конструкций, она отображает в виде вариантов самые яркие, рельефные особенности употребления; прочие примеры интерпретируются как промежуточные, переходные. Обилие таких примеров в книге, их подробное истолкование, безусловно, следует признать большой удачей автора.

Имеющийся в распоряжении исследователя языковой материал дает также повод для пересмотра таких базисных положений структурной лингвистики, как деление значений на семантические и прагматические, на лексические и грамматические, подчеркивая существование континуума между данными классами. Тем не менее, указанные противопоставления получают новый смысл в данной теории – они обозначают как бы крайние точки, или полюса этого континуума.

В третьем разделе дается обширный обзор подходов к описанию категории падежа, предложенных другими исследователями: Р. Мразеком, А.А. Потемной, Р.О. Якобсоном, К. ван Схуневельдом, А. Вежбицкой, Е. Куриловичем, А.В. Исаченко, Ч. Филлмором, Дж. Андерсоном, Г. Фрейдхофом и другими. Несомненной заслугой автора нужно признать внимательное отношение

ко всему опыту описания падежных значений, накопленному наукой. Не только в рамках этого раздела, но и на протяжении всей книги Л. Янда делает эксплицитный перевод авторских формулировок на язык когнитивной грамматики, при этом совершая как бы наложение выделенных другими исследователями падежных вариантов на собственную схему устройства этой категории. Так, подчеркивая общий для своей концепции и для подхода А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980] принцип взаимосвязанности падежных значений, Л. Янда обнаруживает отсутствие у последней эксплицитного представления этих связей и строит схему отношений между падежными значениями, которую можно рассматривать как реконструкцию "когнитивной категории по Вежбицкой", на основе пересечений компонентов в толкованиях частных значений. При этом автор оставляет "за кадром" такие нерелевантные для своего подхода вопросы, как элементарность/неэлементарность устройства членов когнитивной категории и существование семантических примитивов.

В конце обзорного раздела Л. Янда указывает преимущества когнитивного подхода: то, что он эмпирически адекватен; позволяет одновременно показать как различие падежных употреблений, так и их объединение в единое целое; включает достижения предшественников. Примером идеального описания падежа автор считает описание, отвечающее принципам, выдвинутым В. Скаличкой [Skalička 1950]: оно должно показывать связь между падежом и действительностью; описание падежного значения должно быть одновременно полным и пригодным для практического применения; и, наконец, оно должно раскрывать отношение между падежом и другими формами. К сожалению, в дальнейшем Л. Янда недостаточно эксплицирует, насколько полученный результат соответствует идеалу, а вопрос о практическом применении, по-видимому, вообще остается за рамками данного, сугубо теоретического исследования.

Начало второй части книги посвящено представлению средств описания падежных значений. Надо отметить, что в рассматриваемой теории не существует единого приема представления данных (подробное изложение общих идей и частных концепций когнитивной теории на русском языке см. в [Ченки 1996]). В свое время когнитивисты сделали ставку на графические схемы, которые позволяют читателю легче улавливать основные моменты, не путаясь в

дебрях словесного описания. Однако опора на визуальное представление послужила поводом для справедливого обвинения когнитивной семантики в том, что некоторые когнитивные схемы вообще не поддаются языковой интерпретации, а объявленная связь между схемами неочевидна.

Преодолевая данное возражение, Л. Янда предлагает в качестве средств описания сразу две структуры, дублирующие и дополняющие друг друга: графическую схему и словесное описание. Каждый член категории представляется в виде конфигурации простейших единиц, кодирующих основные элементы ситуации, а именно: участников ситуации ("номинатив", "аккузатив" и др.); типа отношений – "воздействовать на (act on)", "сохранять независимый статус", "вместе", "рядом" – и, кроме того, "оправы, фона (setting)", "сферы контроля" и проч. В графике этим элементам соответствуют кружки, соединенные стрелками и линиями и помещенные в разного рода рамки. Необходимые пояснения, преследующие цель однозначной интерпретации схемы, даются в комментарии к схеме. Особо хочется отметить, что стремясь к строгости и изоморфности графического и смыслового представления, автор приводит полный алфавит языков описания значений дательного и творительного падежей с однозначным переводом визуальных средств в словесные, а также составляет элементарную грамматику этого языка, т.е. толкование возможных расположений единиц в схеме.

Именно конфигурация составных частей определяет падежное подзначение. Сходства и различия в конфигурации подзначений позволяют говорить о связи одного варианта с другим. В теоретической части автором разработана классификация типов связей между членами схемы. Здесь различаются парадигматические вариации (изменение роли падежно маркированного элемента), синтагматические вариации (изменение количества и композиции остальных участников ситуации), а также метафорические расширения (extentions). Под ними понимаются, с одной стороны, отношения синонимии, антонимии и метонимии (трактуемые весьма широко: в частности, метонимия включает в себя инкорпорацию объекта в лексическое значение глагола (например, *сигнализировать*, *вредить*), синонимами же признаются глаголы *дать* и *купить*); с другой стороны, метафорические переносы отношений в область субъективного восприятия (например, *dativus ethicus*) или в сферу речевого акта (*дать* – *сказать*). Нельзя

не заметить принципиальную разнородность классифицированных типов. Метафорические расширения представляют собой как бы остаточный случай. Поскольку отраженная в книге концепция не допускает существования изолированных членов категории, в принципе, любой периферийный член, не удовлетворяющий четким критериям синтагматической или парадигматической вариации, должен быть признан связанным с одним из членов категории метафорическим отношением, имеющим сколь угодно широкую и нестрогую трактовку. Впрочем, как показывает автор на конкретных примерах, метафорическое расширение может и накладываться на область парадигматики или синтагматики.

Не имея возможности подробного изложения трактовки Л. Яндой конкретного языкового материала, кратко остановимся на общей процедуре установления падежных вариантов и их взаимосвязей.

Дательный и творительный отличает от прочих падежей большая семантическая сложность и богатство употребления. Автор в первую очередь выделяет среди всех вариантов прототипический. Для дательного падежа – это значение косвенного объекта, который определяется по отношению к другим участникам ситуации (субъекту и объекту), описываемой глаголом "дать" (*give*). Для других случаев "операциональное определение, которое позволяло бы недвусмысленную идентификацию всех косвенных объектов в противопоставлении другим дативным конструкциям, просто не может быть сформулировано" (с. 48). Для творительного падежа прототипическим объявляется употребление "творительный инструмента", как, например, в предложении *Иван резал хлеб ножом*. Разумеется, эти варианты и другими исследователями признаются центральными, первыми; несомненна аналогия между прототипическим значением падежа и инвариантом Р. Якобсона. В рассматриваемой книге делается попытка обоснования прототипичности, и эта задача решается автором в полном соответствии с постулатами когнитивной теории. Так, например, прототип дательного падежа имеет следующие преимущества: (1) косвенный падеж – это роль реципиента, которая полагается более "основной", чем роль бенефактива и др.; (2) ситуация по глаголу "give" – одна из основных в человеческом опыте; (3) прототипической признается конкретная ситуация в противоположность абстрактной; (4) в прототипической ситуации прототип не должен замещаться пред-

ложно-падежной формой или опускаться. Последний признак, ориентированный, в отличие от предыдущих, более на языковую структуру, по замечанию самого автора, не является универсальным, т.к. опровергается, в частности, примером творительного падежа.

Далее Л. Янда прослеживает переходы от прототипа к частным значениям. Непрототипические варианты зависимы от лексического значения, под которым автор подразумевает обычно довольно грубую признаковую идентификацию, например, отношение существительного к классу типа "Инструмент", "Агент" или "Часть тела". Наряду с этим в отдельную группу, имеющую статус частного значения, выделяются так называемые синтаксические употребления, т.е. случаи, когда существительное управляется глаголом, существительным, прилагательным или же предлогом. Полемизируя с исследователями, которые не включают такие употребления в сферу семантики падежа, Л. Янда трактует, по сути дела, лексикографическую информацию типа "быть логическим объектом глагола" тоже как особый вид лексического значения существительного. Но, поскольку в работе никак не сформулирован принцип определения, насколько характерно для той или лексемы быть логическим объектом или другой управляемой единицей (вместо этого каждая группа снабжается исчерпывающими списками управляющих слов), данная идея автора не кажется логически завершенной.

Несомненный интерес вызывает включение в общую схему "застывших форм" – адвербиализованных значений и употреблений в устойчивых идеоматических конструкциях. Доказывая целесообразность трактовки форм типа *ночью* и *днем* как существительных, автор приходит к выводу, что "возможно, самый сильный аргумент в пользу признания этих форм творительным падежом, а не наречиями – парадигматический. Эти слова... очевидным образом связаны с парадигмой творительного места и времени, и их искусственное удаление из парадигмы могло бы привести к отрицанию связи с другими членами парадигмы и оставить в ней существительный пробел" (с. 169). Конечно же, адвербиализованные формы, которые могут считаться падежными исключительно с исторической точки зрения (*дважды*), уже не охватываются схемой, однако автор и для таких случаев готов указать, из какой точки схемы развивалось их значение.

Различие в значении, вытекающее из энциклопедического знания или вызываемое специфическим контекстом, напротив, нерелевантно для схемы падежного значения (в отличие от известных классификаций, выделяющих, в частности, для творительного падежа значения инструмента и средства). Несмотря на это различие, все примеры объявляются представителями одного варианта значения. Также подчеркивается, что "экстралингвистические сведения важны в некоторых случаях" для той или иной трактовки неоднозначных примеров (с. 151). С другой стороны, Л. Янда также признает, что и лексическое значение существительного не всегда мотивирует выделение частного падежного значения. Так, в схеме отражаются как одно значение "творительный падеж места (или: времени)" три категории: 1) единичное пространство/время, противопоставленное множественному, которое различает 2) дискретное и 3) протяженное. Таким образом, в зависимости от лексического значения находится понимание формы творительного падежа множественного числа существительных, обозначающих время, как дискретной (*вечерами, ночами* – часть суток) или же недискретной (*веками*). Однако, непонятно, как соотносится с авторской схемой исключительно наречное употребление инструментальной формы существительного *день* ('скоро': *он придет днями*).

Столь же неоднозначно решается вопрос о влиянии на семантическое различие синтаксической структуры. С одной стороны, синтаксис существенно меняет роль имени в дативе, хотя, с другой стороны, "не влечет за собой сколь-нибудь существенного изменения в инструментальной роли" (с. 143). Если рассмотреть связи между полученными членами категории в соответствии с приведенной выше теоретической классификацией, можно обнаружить, что большинство значений связано с признаком синтагматической вариации, т.е., иными словами, основным критерием выделения падежных вариантов является формальный принцип семантической структуры предложения (*clouse*) (число участников ситуации), который, в свою очередь, соответствует синтаксической структуре.

В ряде случаев роль синтаксиса представляется настолько значительной, что трудно понять, что же является предметом семантического описания: падежное употребление или синтаксическая структура, включающая в себя падежное маркирование. На практике это ведет к тому, что

синтаксис не только разделяет падежные значения, но и отождествляет синтаксически схожие типы. Например, как один и тот же тип значения трактуются все случаи "управляемого датива" (представляется сомнительным, чтобы объединение падежных употреблений при глаголах *грубить* и *опостылять* (с. 120) отвечало бы постулату об отождествлении концептов на основе общности восприятия ситуации). По тому же формальному признаку в один класс включаются все структуры, в которых падеж управляется предлогом, не говоря уже о выделении разницы в значениях предложно-падежных сочетаний. Иногда подобное объединение недостаточно аргументировано. Сравнивая предложения *Дети шли по тропинке* и *Воспитательница дала детям по яблоку* (с. 126), Л. Янда утверждает, что в последнем случае значение предлога *по* ("àrises, sach") является вариантом значения, представленного в первом предложении, "обусловленным контекстом". Предлагая интерпретацию того, каким образом распределяются значения предлога ("дистрибуцию при необходимости определяет несогласованность между единичным [косвенным] объектом и множеством реципиентов"), автор все же не объясняет, каким образом данные употребления сводятся друг к другу.

Оценивая в общем полученные автором результаты, следует сказать, что работа впечатляет тонким и в большинстве своем убедительным семантическим анализом примеров, представленным в комментарии. Традиционная для данного направления семантики когнитивная схема значения, в которую обобщаются результаты, бесспорно, придает исследованию стройность и логичность, составляя как бы его каркас. В то же время нельзя не заметить, что она гораздо менее информативна, чем вся та картина значения, которая обрисовывается в ходе поиска оптимальной композиции вариантов. Если считать когнитивную схему конечным продуктом описания, то ее символичность вызывает вопрос об эмпирической адекватности данного представления проделанному анализу. То же самое можно сказать и в отношении схематического характера связей между вариантами значения. Какова бы ни была трактовка этих отношений в комментарии, в схеме все связи равноценны, например, употребление творительного падежа с предлогом *с* находится в таком же отношении к прототипу, как и употребление с пространственными предлогами (*за, под, между* и др.).

Недостаточную адекватность схематического представления демонстрирует, на наш взгляд, также сравнительное описание падежного значения в двух разных, хотя и родственных, языках. Автор представляет значение падежа в одном языке как трансформацию семантической сети другого языка. При этом обнаруживается, что полученные схемы недостаточны для представления всех различий. В частности, автор вынужден вносить в схемы поправки, касающиеся взаимодействия отдельных подзначений с лексической информацией (например, чтобы показать, что глаголы типа "брать" в русском языке, в отличие от чешского, не имеют косвенного дополнения в дативе), а также дополнительно подчеркивать важность того или иного участка для всей схемы падежного значения.

Последнее замечание касается опечаток и языковых ошибок. Так, например, на стр 127 в списке предлогов, управляющих в русском языке дательным падежом, вместо предлогов *согласно* и *сообразно* приведены составные предлоги *согласно с* и *сообразно с*, управляющие творительным падежом. Тем не менее, надо признать, что количество неточностей, вполне естественных в издании такого рода, в данном случае неожиданно мало, и приятно удивляет тщательная выверенность примеров (насколько об этом можно судить по русской их части). Особо хочется отметить тонкое чувство языка, который не является для автора родным.

В предисловии к своей книге Л. Янда акцентирует внимание читателя на том, что лингвисты часто используют основополагающие лингвистические термины, не имея их операционального определения. В самом

деле, рецензируемое издание показывает как можно строить грамматическое описание, опирающееся на известные теоретические принципы, но не дающее при этом ни одного привычного определения терминов, которые оно использует. Не навязывая собственных дефиниций, автор апеллирует к имеющимся в голове у читателя-лингвиста представлениям о том, что такое участник ситуации, 'конструкция', сфера контроля, какая именно ситуация, описываемая глаголом "дать", является канонической и др. Задача автора – непротиворечиво связать эти концепты друг с другом, искусно вплетая их в сеть, которая и объявляется искомым значением. И здесь нельзя не признать, что Л. Янда достойно решила эту задачу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ченки А 1996 – Современные когнитивные подходы к семантике сходства и различия в теориях и целях // ВЯ 1996 № 2
- Janda L 1986 – A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-* and *ot-* Munchen, 1986
- Lakoff G 1986 – Cognitive semantics Berkeley Cognitive Science Report № 36 1986
- Langacker R W 1986 - Foundations of cognitive grammar V I Theoretical prerequisites Stanford 1986
- Skalička V 1950 – Poznámky k teorií padu // Slovo a slovesnost 1950 № 12
- Wierzbicka A 1980 – The case for surface case (Linguistica Extranea Studia 9) Ann Arbor, 1980
- Wierzbicka A 1986 – The meaning of a case: A study of the Polish dative. In Case in Slavic / Ed by Brecht R D and Levine J D Columbus Slavica, 1986

О Н Ляшевская